

Непобеждённые. Баллады о Солдатах...

Зарубин Павел

Павел Николаевич Зарубин

Непобеждённые.

Баллады о Солдатах...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67703204

SelfPub; 2023

Аннотация

Настоящие русские Солдаты, кто они? Посмотри внимательнее, уважаемый читатель, возможно, ты узнаешь в них своих знакомых и даже близких людей: фронтовик без награды на празднике Победы, чьи ордена и медали утопили деревенские ребята; школьный учитель, перед войной запоем смотревший фильм «Большой вальс» о прекрасном городе Вена, не мечтавший увидеть этот город-праздник и очистивший в апреле 1945 года столицу Австрии – столицу вальсов от фашистской заразы; простой русский ветеран-фронтовик, у которого украл боевой орден его любимый внук; выросший внук, укравший орден у любимого деда, проходит через две войны и становится Человеком...

Содержание

Рассказ 1	4
Рассказ 2	23
Рассказ 3	40
Рассказ 4	56

Павел Зарубин

Непобеждённые.

Баллады о Солдатах...

Рассказ 1

Учитель

– Притон блатных и хевра нищих, я приветствую тебя!

Дверь класса отворилась и из коридора легко, элегантно и в то же время величественно вошёл учитель русского языка и литературы Ростислав Георгиевич. Высокий, с копной выющихся седых волос, обычно непокорных и приглаживаемых им рукой в минуты глубокой задумчивости – любимый и обожаемый всеми учениками 10 «Б». Он слегка припадал на одну ногу, но хромота несколько не портила его и даже придавала ему толику дополнительного шарма.

– Кто сегодня дежурный?

– Я! Со своего места из-за парты поднялась рано оформившаяся в теле девушка, на которой трещала школьная форма, подчёркивая рельефные изгибы девичьего стана.

– Дугина, да неужели ты?

– Я, а что не так?

– Распустила девка косы, а за ней бегут матросы! – Глаза учителя смеялись, но ничто более в его лице не выдавало эмоций.

– Матрасы! – раздалось с «камчатки» – одной из последних парт. Это Сергей Катюхин позволил себе угадать настроение учителя и оседлать волну его настроения.

– Сходи-ка, родной, в учительскую, да принеси пару кусочков мела. А ты, дорогая, сотри лишнее с доски, все уже ознакомились с этим шедевром.

А на доске красовалась надпись мелом: «Кто болеет за «Торпедо», тот родился от соседа!»

Учитель сел за стол, согнув правую ногу в колене и припустив её под столом. Левая нога никак не умещалась под стандартной мебелью, не рассчитанной на гренадёрский рост и её (ногу) пришлось вытянуть в проход между средним и крайним рядом парт.

– Итак, уважаемые и периодически уважаемые, сегодня мы продолжим изучение романа М.А. Шолохова «Поднятая целина» и особое внимание обратим на образы основных персонажей этого произведения, в которых автор отразил и воплотил характерные черты и признаки новой исторической эпохи – эпохи революционной и весьма непростой замены старого мира на новый.

Голос учителя привычно завладел неокрепшими сознаниями юношей и девушек «со взором горящим». Урок привыч-

но вкатывался в нужное педагогическое русло. А это был последний на сегодня, 6-й по счёту урок. И скоро домой. Моя парта была второй у окна, за которым вовсю пригревало не по-весеннему жаркое солнце и ветви высоких деревьев старого школьного парка ритмично раскачивались, укачивая моё несознательное сознание. Незаметно для себя я ткнулся носом в парту и задремал тихим сном праведника.

– Вставайте, граф, Вас ждут великие дела! – надо мной, спящим, с высоты своего богатырского роста заботливо склонился и поглаживал мои вихры на затылке Ростислав Георгиевич!

Класс дружно взвыл от смеха, от души кидая в меня скомканными бумажками.

– Спокойно! Что за бунт на корабле?! Зачинщиков на рею!

Я неловко стёр с лица слюни такого короткого, но такого сладкого сна.

– Сходи-ка, дружок Зарубин, в туалет, да смой с лица свою вековую классовую усталость. Да не перепутай, болезный, помещения – тебе туда, где буква ЭМ, но не ЖО.

Поплескав в лицо холодной водой из умывальника (горячую воду почему-то отключили, хотя на дворе был апрель месяц), я не спешил возвращаться в класс. Посидел для порядка на подоконнике распахнутого окна, подышал весенним, пахнувшим травой ветерком и вернулся к героям Шолохова.

Что-то незаметно, тревожно и неумолимо изменилось в классе.

Класс притих... Учитель сидел за столом сгорбившись, согнувшись почти до столешницы. Руки прижаты к телу, левая нога торчала как кочерга в проходе между партами. Учитель молчал, опустив голову и закрыв глаза. Класс безмолствовал.

Ростислав Георгиевич медленно поднял голову. Открыл глаза. Тихо спросил:

– У вас этот урок последний?

– Да!

– Собирайтесь домой. Урок окончен. Только расходитесь тихо, не мешайте другим. Зарубин и Катюхин старшие – всех тихо проводите из школы. Всё понятно? До свидания ...

Класс не совсем тихо слился по коридору и по лестнице и растворился на улице. Мы с Серёгой, не сговариваясь, вернулись к Учителю.

– Ростислав Георгиевич, что с Вами?

– Да нога, остеомиелит проклятый ...

– А это что?

– Нога у меня, ребятки, на войне прострелена. Кость перебита. Иногда болит не к месту. Вот как сегодня. Не к месту ...

Учитель сжал зубы, замолчал, переживая приступ накатившей боли, жгущей ногу от колена до кончиков пальцев. Кудрявая голова клонилась всё ниже ...

– Встать сможете? До дому дойти?

– Нет, уважаемые, не смогу. Пока не смогу.

– Может, «скорую» вызвать?

– «Скорую» не стоит вызывать. Точно в больницу упекут.

А мне ещё четыре десятых класса к выпускным экзаменам готовить. Только не в больницу.

Он попытался привстать, опираясь на здоровую ногу, осторожно перенёс вес тела на покалеченную и тут же со стоном опустился на стул.

– Нет, ребята, не дам я вам пулемёт – за улыбкой учителя пряталась нешуточная боль.

– Чё? – мы не поняли шутку.

– Чё-чё, ничо! Хотя ...

– Что?

– Вы, парни, уже взрослые, скоро в армию пойдёте. Можете сделать доброе дело и языками при этом не трепать? Могу на вас надеяться всерьёз?

– Обижаете!

– Ну да ладно, сам напросился. А сгоняйте-ка, мои хорошие, в магазин, в штучный отдел и купите мне лекарство, от которого я встану и сам домой дойду. Ферштейн?

– Опять обижаете!

– Сможете или напартачите?

– Да взрослые мы уже, говорите, чего и сколько нужно.

– Эх вы, защитнички мои! Водку вам не дадут, молодые ишшо, купите «Агдам».

– Сколько?

– Катюхин, не умничай. 1 бутылку. И спрячьте хорошенько, чтобы в школе никто не увидал. Сделаете?

– Без проблем. Одна нога здесь, другая там!

Учитель выдал нам «трёшницу» (3 советских рубля). Поняв, что мы знаем цену продукту, пояснил, чтобы прикупили пару яблок, а сдачу забрали себе. Сказано – сделано! Гордые оказанным высоким доверием, мы принесли заказанное да с перебором + захватили плавленный сырок «Дружба» и вернули сдачу.

– Ну вы меня что, за алкаша принимаете, соколы? Сырок зачем?

– Пусть будет!

Достав из классного шкафа пустой, но чистый стакан, учитель наполнил его. Спокойно выпил, подождал, откусил яблоко, налил и выпил снова.

– Ну как?

– Вы о чём, дети лейтенанта Шмидта?

– А расскажите, как фашисты Вам ногу прострелили!

– А вдруг не фашисты, может свои по-пьяни?

– Ростислав Георгиевич, расскажите...

– Ну, соколы мои, сами виноваты. Слушайте...

Вырос я в простой семье. Родители любили меня и воспитывали по-старому: в уважении к личности, любви к книгам, истории Отечества, умению слушать и слышать музыку. Do you undestend, comrads?

– Yes, of course!

– Ты смотри, смышлёные дети попались.

Ну в общем, в армию я был призван в 17 лет в марте 1942 года Горьковским городским военкоматом. Пришлось прибавить себе год, так на войну хотелось пойти фрицев бить. Да и высокий как видите, обман мой прокатил. А музыку любил и люблю. В 40-м году летом в кинотеатры страны вышел в прокат американский фильм «Большой вальс». Он был на русском языке, актёры, игравшие главные роли и актёры, их дублировавшие, были великолепны. Вся страна влюбилась в этот светлый и радостный фильм, просто сказка по сравнению с нашей тогдашней жизнью. Я его посмотрел раз пять, не меньше – после школы бежал в кинотеатр имени Маяковского, расположенный на одноимённой улице, доставал заветный рубль – столько стоил билет – и наслаждался невиданным прежде зрелищем заграничной жизни ушедшего века. Действие фильма происходило в далёкой и прекрасной Австрии, в её сказочной столице – Вене. Красивые и ухоженные женщины в криолиновых платьях, паркетные полы, натёртые до зеркального блеска в огромных танцевальных залах, дорогие рояли, на которых играли галантные кавалеры и музыка, очаровательная музыка, навеянная маэстро Йоганну Штраусу – королю вальсов – сказочным венским лесом и чудесной рекой Дунай.

– Немец, что ли? – поинтересовался Сергей Катюхин.

– Австриец, мон шерр, австриец. У тебя по географии что,

мой юный друг?

– Ну так, в общем...

– Понятно. Зарубин, подтяни своего любознательного приятеля, а то девки засмеют – в глазах учителя появились весёлые огоньки и, кажется, его боль начинала отступать.

– На чём мы остановились?

– На женщинах, натёртых до зеркального блеска.

– Ну да, ну да. С тех пор моей мечтой стало хоть одним глазком увидеть Австрию, Вену, реку Дунай и послушать вальсы Штрауса. И невдомёк мне, молодому, что фильм снят в Америке, в Голливуде и лес в кино был не настоящий и река не Дунай. Чтобы хоть на чуточку приблизить свою мечту, стал я захаживать к знакомым нашей семьи, у которых имелся старый рояль и сначала одним пальцем, а затем несколькими, учился играть на этом величественном инструменте. Слухом меня родители не обидели и через год я вполне сносно по памяти исполнял пару венских вальсов Штрауса из этого фильма. У нас сегодня какое число?

– 12 апреля, день космонавтики.

– Да, друзья мои, поистине мистика и акустика!

– Чего?

– А того, лекари и защитники мои, что именно в этот день, только в 1945 году, именно в сказочной Вене – столице Австрии – и прострелили мне ногу всего за день до освобождения этого славного города вальсов.

– Да ладно, так не бывает!

– Оказывается, бывает. Ну, слушайте. На тот момент мне было 20 и я был гвардии сержантом, командиром отделения первого стрелкового батальона 301 гвардейского стрелкового полка 100 гвардейской стрелковой дивизии 2 Украинского Фронта. Фу-у, еле выговорил. С 5 апреля мы начали штурм города. Указание Командующего фронтом было строгое – столицу Австрии, этот город-музей, состоящий из дворцов, театров и ратуш (церквей по-нашему) брать щадяще – сильно, но нежно, лишних разрушений не допускать. Ну и как щадяще – фрицы-австрийцы бились насмерть. Адольф Гитлер объявил Вену "городом-крепостью". Битва за столицу была жестокая. Нашей армии противостояли лучшие силы врага – танковые дивизии войск СС, офицеры венских военных училищ, моряки, мобилизованная городская полиция и согнанные под угрозой расстрелов отряды «фольксштурма» – вооружённое гражданское население. Бои велись за каждый дом. 10 апреля мы уже завладели центральными кварталами города и отбросили врага за Дунайский канал.

12 апреля моё отделение преследовало уходящую группу бойцов СС по одной из центральных и похоже, очень дорогой, улице Грабен. Рассказывали, что в древности на этом месте был древнеримский оборонительный ров (слово Graben и значит «ров»). Пока мои бойцы гнали по пыльной и грязной мостовой эсэсовцев, я разинув рот пялился на стоящую посреди пешеходной зоны «чумную колонну» – огромный и пугающий монумент, воздвигнутый в 17 веке после

избавления жителей Вены от страшной болезни.

– Рост, командир, помогай! – это Николай Комаров, гвардии сержант, вывел меня из ступора.

Фашисты, взбивая фонтаны пыли своими коваными сапогами и стуча ими как лошади, ломались по широченной улице. Впереди нарисовался неработающий фонтан с широким многоугольным бассейном на нескольких каменных ступенях. В центре бассейна на постаменте расположилась статуя какого-то кудрявого мужика с посохом, завёрнутого в тогу.

– Во что?

– В тогу, Сергей. Ну, для тебя лично – в простыню...

– А, понятно!

– За его ногу цеплялся какой-то каменный голый толстый мальчуган, тоже кудрявый. И морды львиные по всем сторонам постамента! Наверное, в мирной жизни это выглядит красиво, но сейчас за бассейном этого кудрявого мужика спрятались два дюжих эсэсовца. Остальные ломанулись через выбитые парадные двери в шикарное, но закопчённое, старинное здание с лепниной, балюстрадами, балконами и террасами. А мы залегли напротив за опрокинутыми крепкими столами уличного кафе.

– Шеф, сейчас мы их выкурим! – Комаров держал в руке пустую пивную бутылку толстого тёмного стекла.

– А бир где?

– Бир здесь, командир! Николай довольно погладил себя по брюху.

– Да как ты...

– Спокойно, командир! Щас усё будет. Гляди!

– Ахтунг, брандкугель!!! – дико заорал он, размахнулся и метко швырнул бутылку в статую кудрявого мужика. БАЦ!!! Бутыль лопнула, брызнув россыпью осколков.

– А-А-А!!! Оба ээсовца разом вскочили и попытались вломиться в разбитую дверь здания, но получили вдогонку автоматную очередь, одну на двоих. Им хватило. Два тела в строгих чёрных мундирах упокоились у заветных дверей особняка.

– Ты что кричал-то?

– Берегись, говорю, зажигательная граната.

– А вот оно что. Занятно.

– Что тут у вас? – на звуки стрельбы к нам подбежали остальные бойцы моего штурмового отделения.

– В здании напротив зашли четверо ээсовцев. Комаров – остаёшься на месте, страхуешь нас. Особо не высывайся. И чтобы без пива.

– Обижаешь, начальник!

– Остальные – за мной перебежками слева-справа по одному – марш!

Комаров на всякий случай дал очередь по высоким стрельчатым окнам третьего этажа, что подслеповато смотрели на улицу пустыми без стёкол глазницами оконных проёмов. А мы уже были в вестибюле особняка. Пол, выложенный большими разноцветными плитками, дорогие плюше-

вые кресла, лежащие на боку, огромная картина в дорогой раме, криво висящая на стене, изображающая какую-то лохматую собаку с красным ошейником – всё это видел лишь мельком, сердце глухо бухало в груди и гнало вверх, выше, по лестнице с мраморными ступенями, чёрными коваными перилами и огромными разбитыми зеркалами на лестничных проёмах; туда, где цокают подковки на эсэсовских сапогах, гнало, чтобы очистить этот райский дворец от фашистской нечисти!

Один из бойцов подкрался к резным дверям второго этажа, ведущим, вероятно, в очередной роскошный кабинет, снял с головы пилотку и повесив её на ствол автомата, медленно приоткрыл дверь и осторожно, на уровне головы слегка выставил пилотку в дверной проём. Тихо! Он опустился на колени и чуть заглянул в двери.

– Чисто! Командир, куда дальше?

– На третий этаж. Двое – по коридору налево, двое – по коридору на право. Смыкаетесь одновременно. Вперёд!

– Двое – контролируете центральную лестницу. Чуть выждете – и вперёд, зайдя на этаж, расходитесь в стороны навстречу парам. Далее – в том же порядке.

– Понятно, командир!

– Я страхую здесь. Вперёд!

Бойцы легко взбежали на третий этаж и затихли. А я заглянул в приоткрытую дверь и ... обомлел!

Огромный белый зал со стрельчатыми окнами от пола до

потолка! Одна из стен полностью зеркальная и кажется, залу нет конца! Витиеватые золочёные люстры, ровным рядом спускающиеся с высокого потолка. Роскошные застеклённые филёнчатые двери с полукруглым верхом распахнуты и ведут на веранду с каменной балюстрадой, нависающей над мостовой на высоте не менее 5 метров. Колышутся гигантские когда-то белоснежные занавеси и чудом сохранившиеся золочёные шторы. А в центре зала – я потряс головой и потёр глаза кулаками – в центре зала стоял белый рояль.

Белый роскошный РОЯЛЬ!!!

С откинутой крышкой. Настоящий «Стейнвей и сыновья» (Steinway & Sons). Нет, не белый, а скорее цвета слоновой кости. В зале было несколько вычурных кресел и стульев, один из которых я подтянул к роялю. Осторожно протёр пальцами по клавишам – пыль. Протёр клавиатуру ладонью, на что инструмент отозвался чистым нерасстроенным звуком. Опустился на стул, мысленно откинув фалды концертного фрака назад. И в моём исполнении в центре Вены зазвучал вальс «Сказки Венского леса» из любимого довоенного фильма. Руки вспоминали забытые движения, были грубы, но не фальшивили. Всё быстрее и увереннее. Как в кино!

Наверху раздалась автоматная очередь, за ней ещё несколько, затем грохот падающей мебели. Лопнуло разбитое стекло и на веранду посыпались крупные осколки. Грохнул взрыв – похоже граната – пол вздрогнул, осыпалась шту-

катурка с потолка и всё стихло.

А я играл и не мог оторваться от королевского инструмента.

– Командир, ты как? – в дверь заглянул Комаров.

– Нормально. Как там?

– Всё, добились гадов!

– Всех?

– Всех, Георгич! Что дальше?

– Идите, покурите на улице. Но без пива. Я скоро.

Николай ушёл. За ним с шумным обсуждением завершившегося боя прогрохотали остальные бойцы моего отделения. Все живы. Я встал и прикрыл тяжёлые двери. И снова уплывал на волнах «прекрасного голубого Дуная» в царство венских вальсов. И вновь маэстро Иоганн Штраус дирижировал моей неумелой игрой, подмигивая мне и смешно топорща свои усы. Я играл и музыка не кончалась.

– Командир, обедать пора! Айда назад до кухни! – донеслось с улицы.

– Да скоро я, скоро.

И снова незабвенные Шанни и Польди Штраус из довоенного чёрно-белого фильма кружились в вальсе и улыбались друг другу. Тарам-тарам-тарам-пам-пам! И раз-два-три-раз-два-три!

– Шеф, кончай лабать, от твоей музыки только есть сильней охота! – дверь в музыкальный салон распахнулась и на пороге возникла довольная рожа Пашки Ерёмина, ещё одно-

го моего «штурмовика».

– Да иди уж, пива что ли попей!

– А где взять то?

– У Комарова спроси. Пошёл! – я вытолкал недовольного бойца в коридор, плотно притворил двери и заблокировал обе створки своим автоматом ППС-43. Надёжно, как шваброй.

Пальцы сами собой летали по клавишам и радовались извлекаемым звукам. Играл я с удовольствием, но недолго. В дверь опять забухали. Похоже, били ногами, да как злобно били. Дверные створки зримо пытались вломиться в мой музыкальный мир. Ну, это уже наглость – так командира парфинить. Оставив заветный инструмент, выдернул автомат из золочёных скоб дверных ручек и распахнул двери, готовясь обляять обнаглевшего бойца.

Ё-МОЁ!!! За дверью стоял и сверлил меня злобным взглядом здоровенный эсэсовец – я сам не маленький – почти метр девяносто – но он был просто чудовищный! Выше меня и шире. Лицо кровью залито. Глаза бешеные, вращаются, как у собаки из сказки «Огниво» Ганса Кристиана Андерсена! Рукав кителя оторван. Немец вскинул автомат и от брюха дал короткую очередь в упор. Вот гад! По левой ноге как будто ломом наотмашь ударили. Ужас как больно. Так ты мне, морда фашистская, весь праздник имени Иоганна Штрауса испортил! Вот и повальсировали! В горячке и на инстинктах я с размаху врезал ему куда ни попадя изо всех

уходящих сил здоровой ногой. Куда ни попадя получилось очень даже куда! Фриц охнул, резко согнулся, выронил свой «Шмайсер» и машинально прижал обе руки к причинному месту, куда оказывается я ему зарядил. И на автомате, как учила уличная горьковская шпана, снова повторил ему с той же правой ноги. Теперь фашисту прилетело уже в голову, так как от первого удара он согнулся пополам и уже, похоже, не скоро разогнётся. В левой ноге у меня что-то щёлкнуло, дикая боль погасило моё сознание и я повалился на эсэсовца, машинально пытаюсь заломить ему руки за спину...

В себя я пришёл уже на улице. В левом сапоге хлюпало. Рядом курили мои бойцы, прибежавшие на выстрелы и вынесшие меня вместе с пленённым мной фрицем. Парни смеялись, что тот теперь ходит с трудом и ничего не видит левым глазом, на месте которого вздулась багрово-фиолетовая опухоль в пол-лица. Связанный, он тихо скулил рядом с величественным памятником кудрявому вельможе с посохом.

– Вы же сказали, что всех фрицев завалили, а?

– Командир, ну не всё же тебе на фортепьянах играть, оставили одного на закуску – отделение дружно захохотало.

– Хорош ржать, жеребцы! Комаров, Ерёмин – за мной!

– Командир, ты куда на одной ноге?

– Ничего, доковыляю с вашей помощью. Дело одно осталось незаконченное.

Бойцы помогли мне с трудом подняться в ставший уже родным музыкальный салон и по команде не спеша окружи-

ли белый венский рояль. С откинутой крышкой. Настоящий «Стейнвей и сыновья».

– Дорогой, наверное? А, Георгич?

– Очень дорогой, парни. Ну, взяли!

– Ты что задумал, командир?!

– Делай как я и не рассуждай. И раз! – взял инструмент за нижнюю крышку. Бойцы недоумённо пожали плечами и тоже взялись за рояль.

– Подняли дружно! И понесли!

Поддерживаемый под «брюхо» Steinway & Sons жалобно скрипел, перетаскиваемый сильными руками через красивые стрельчатые двери на веранду с каменной балюстрадой.

– И два! – рояль завис над красивым ограждением веранды, подрагивая и отражая своими полированными боками апрельское солнце и пуская «зайчики» золочёными педалями и колёсиками.

– Георгич, ты что?!

– На счёт три бросаем. ТРИ!

Элегантный белый, нет, не белый, а скорее цвета слоновой кости рояль неуклюже, переворачиваясь и как-то боком летел с пятиметровой высоты вниз.

– Вот, теперь всё. Пора, хлопцы, домой. Пора!

Четыре года спустя после той школьной апрельской истории тёплым весенним днём 6 апреля Учителя не стало. В день похорон небо было серое. Серыми были девятиэтажные

панельные дома, в одном из которых он жил. Серыми были двор и деревья. И даже солнце в этот день пряталось за серыми тучами. Проститься с Ростиславом Георгиевичем пришли его ученики, воспитанники и друзья. Подобно Первомайской демонстрации, люди стояли повсюду – на тротуарах, на проезжей части, на газонах, на детских площадках. Их были тысячи, несколько тысяч. Серое скорбное человеческое море заполнило всё пространство между домами микрорайона. И тишина ... Молчали все. По тысячам серых человеческих лиц бежали серые слёзы. Тихо, без рыданий.

Высоко в небе невидимый оркестр в последний раз беззвучно играл для единственного слушателя вальс Штрауса «На прекрасном голубом Дунае» и невидимые нам невесомо-воздушные пары танцевали для Ростислава Георгиевича в последний раз.

П Р И К А З

по 301 гвардейскому стрелковому полку 100 гвардейской Свирской дивизии,

17 апреля 1945 года № 012/Н Действующая Армия
от имени президиума верховного совета союза С С Р
н а г р а ж д а ю:

медалью «ЗА ОТВАГУ»:

61. Командира отделения 1-го Стрелкового батальона гвардии сержанта РИБСОН РОСТИСЛАВА ГЕОРГИЕВИЧА, за то, что в уличных боях за город Вена подавил две огневые точки противника и захватил

в плен одного солдата.

Командир 301 гвардейского стрелкового полка
гвардии полковник М А Л Е Е В

Рассказ 2

Украденный орден

9 мая 1975 года выдался жарким, не дождливым и по-настоящему праздничным. Мой дед по материнской линии Иван Фёдорович с утра очень волновался. Единственный пиджак, на котором накануне вечером им были тщательно, очень ровно, как по-линеечке, приколоты боевые государственные награды и гвардейский значок, из-за слишком тёплой погоды подвергался ревизии и беспощадной критике: Иван Фёдорович прикладывал награды к летней рубашке, пытаясь хоть как-то разместить их, не порвав при этом тонкую ткань. Рядом незаметно, стараясь не попасть под горячую руку мужа, хлопотала его ангел-хранитель и по совместительству моя бабушка, умнейшая и терпеливейшая Мария Павловна.

Выход был найден: дед надел летнюю рубашку с коротким рукавом, повязал красивый галстук, а тяжёлый от наград пиджак перекинул через руку. И не жарко и в любой момент можно явить миру героя.

Жили Иван Фёдорович и Мария Павловна в маленькой комнатухе на втором этаже старого кирпичного дома с пя-

тью коммунальными комнатами по коридору и с одной общей кухней и общим туалетом. Ванн нет, уж извините. Жили долго и иногда, не смотря на тесноту, счастливо. Над коридором второго этажа был замечательный чердак, на котором на верёвках, подпёртыми рогатинами, всегда сушилось бельё. Иногда бельё воровали и это служили поводом для долгих разбирательств, кто накануне не запер дверь в подъезд.

Дом располагался в овраге под старинным горьковским (теперь нижегородским) Кремлём, прочно прижавшись к стенке оврага и к проезжей части, бывшей несколько веков назад крепостным рвом, вздрагивая от проносащихся по дороге дребезжащих и грохочущих трамваев. Из оврага в мир вела старая лестница в 100 ступеней. Перейдя проезжую часть, выйти в люди можно было двумя способами: по такой же дореволюционной многопролётной деревянной лестнице в 300 ступеней, далее по старинной улочке короткими путями на центральную городскую площадь имени Минина, где уже готовилось празднование 30-летия Дня Победы, либо по красивой кирпичной лестнице в форме плоской восьмёрки, построенной после войны немецкими военнопленными, ведущей к городскому драматическому театру и где уже группировались по своим воинским подразделениям нестарые ещё ветераны Второй Мировой.

Иван Фёдорович выбрал второй вариант, ибо возможные и так им ожидаемые встречи с однополчанами там были наиболее вероятны.

На Театральной площади было не протолкнуться – сотни, нет, тысячи участников войны искали и находили там своих однополчан. Таблички с номерами войсковых частей, по которым группировались ветераны, стояли прислонёнными к фасаду театра, а многие были просто воткнуты в местные цветники и газоны.

– Иван Фёдорович!

Иван Фёдорович оглянулся: неужели это его. Так быстро! Но кто?

– Иван!! Ваня!!! Я здесь!

К нему через толпу фронтовиков пробивался седой, крепко сбитый, ещё не старый ветеран в военном кителе с погонами полковника и с воинской фуражкой в руке.

– Иван Фёдорович! Это я, Шевченко!

– Иван Петрович, ты?!

– Я, конечно, я!

Иван Петрович Шевченко был на несколько лет моложе Ивана Фёдоровича. До войны они жили в одном доме, а в ноябре 1941 года одновременно были призваны в ряды действующей армии Куйбышевским районным военкоматом города Горького. Вместе служили-дружили в составе 13 гвардейского стрелкового полка 3 гвардейской стрелковой дивизии до начала 1943 года, после чего их боевые пути-дороги разошлись.

Два Ивана крепко обнялись. И стояли обнявшись долго-долго... Оба украдкой вытерли предательски набежавшие

слёзы.

– Да ты целый полковник! Всё служишь?

– Да, Ваня, служу. Не поверишь – живу в Одессе, в собственном доме. Там и служу – в политическом управлении Одесского военного округа. Женат, жена Галина, детей бог не дал. А как ты?

– Иван Петрович, я демобилизовался в июне 46 года. Дослужился до капитана. Сейчас работаю мастером на хим. заводе здесь, в Горьком. Живу там же, в Почаинском овраге.

– А семья, Ваня?

– Всё в порядке, Петрович, жена и дочка живы. Дочь замужем, два внука у нас.

– А жена кто – Мария?

– Да, моя Муся – Мария Павловна.

– Эх, Иван, а я ведь был влюблён в твою Машу. Не ревнуешь случаем?

– Я знал об этом, Иван. Что было – то прошло. Молодой ты ещё, а тогда, перед войной, совсем пацан был, глупый. Не сердись, проехали. Видел кого наших?

– Видел, Ваня, видел. Не поверишь – видел Зайчика!

Подросток Вася Зайцев прибил к их полку весной 1942 года. Белобрысый, встрёпанный, худой паренёк лет 14 подносил боеприпасы, помогал раненым и быстро стал своим – «сыном полка», нет, «сыном» третьего батальона 13 гвардейского стрелкового полка. Более того, за его смыслённость и расторопность заместитель командира батальона Иван Фё-

дорович произвёл его в ординарцы. Помощников лишних не бывает, а на войне особенно. И простой паренёк Вася оказался настоящим героем, да ещё каким... Дело было в мае 1942 года при обороне Ленинграда. Войсковая часть Ивана Фёдоровича и Ивана Петровича занимала позиции в районе деревни Дубовик Киришского района Ленобласти. Мужчин призывного возраста среди деревенских уже не было, всех призвали на фронт. Чтобы пережить тяжёлое время, остальные решили обосноваться в лесу в 8 километрах от деревни. К ним прибились беженцы-горожане. Туда же в чащобу сельчане привели свою немногочисленную скотину. И надо же было такому случиться – стал по-вечерам налетать на них немецкий истребитель и охотиться на людей. Нашёл фашист лесную просеку, которая и привела его самолёт к укрытым в чаще советским людям. Прилетал каждый вечер, поубивал пасущихся коров и нескольких пожилых сельчан, не успевших укрыться от крылатой смерти. Мы посылали в чащобу пару бойцов пугнуть немца, но что может мосинская винтовка против боевого аэроплана, да хоть две винтовки?

И что вы думаете учудил наш Васёк? Вечерами, когда стихала вражеская стрельба, он насобирав в старых окопах и оборонительных рвах мотки колючей проволоки и многократно перегородил-перемотал эту просеку посередине пути к укrywшимся. Изорвал в клочья брезентовые рукавицы и в кровь изранил руки, но от своего плана не отступил и тянул колючку, обмотав окровавленные руки каким-то тря-

пьем. Всё это мы узнали потом, Вася всё сделал тайно, не прося ни у кого помощи. И завалил гада! Фашист, прилетевший в сумерках на очередную «охоту», протаранил рукотворное заграждение, снёс свой винт, одно крыло и несколько деревьев. Жаль, в плен не попал – погиб на месте, а может оно и к лучшему – всё одно от лесных жителей он живым бы не ушёл, однозначно на вилы бы подняли. Вот так! А Василия Зайцева за это наградили медалью «За отвагу» и эвакуировали в тыл для лечения – на руках живого места не было. После этого наши пути с Василием Ивановичем разошлись.

– И где теперь наш Васёк?

– Фёдорыч, ты не поверишь, он после войны окончил военное училище и теперь служит в Куйбышеве, где я его и встретил, в местном УВД, целый капитан милиции!

– Иван, а мне Сталинград по ночам снится, веришь ли, во сне вновь воюю на последней лестничной клетке дома по улице Ленина, от немцев отбиваюсь, тебя прикрываю. Просыпаюсь в холодном поту, Машу пугаю... Помнишь?

– Да, было дело... Если честно, я тогда уже с жизнью попрощался. И такое зло взяло: не для них, фрицев, я учился, не для них, гадов, родителей и братьев-сестёр малых в деревне оставил. И от злости, что фашистов много, а мы только вдвоём и от безысходности, что патроны кончились, давай я их кирпичами сверху, с полуразрушенной площадки последнего, 4-го этажа, забрасывать. Они лезут со 2-го, с 3-го, перила разрушены, только ржавая проволока осталась –

мне их хорошо видно – и кирпичом достать не проблема. Одному по каске и по плечу заехал, второй в ушастой кепке, типа подшлемника был – ему прямо в «тыкву» попал, он и завалился. Из автоматов лупят, а нам ответить нечем, жмёмся к плите перекрытия, от крошки кирпичной, что от пули разлетается, лица прячем. Гансы почуяли, что мы молчим, в ответ не стреляем, поняли, что пустые мы. И попёрли, с-с-суки, в наглуую. Тут-то я их последней, для себя оставленной, гранатой и встретил. Все до одного, твари, в преисподнюю провалились, ну в смысле с третьего на первый этаж на битые кирпичи да на арматуру ржавую. Ни один не ушёл. Если б не она, Ф-1 родимая, мы б с тобой, Вань, сейчас бы не обнимались.

– Да уж, расфигачил ты всю лестницу своей «Фенькой», потом пришлось по проволоке как акробату вниз спускаться. Тебе ничего, а мне с моими 187 см роста пришлось помучиться.

– Вань, у меня есть...

– Наливай!

– За тех, кто не вернулся. За победителей!

Два Ивана смущаясь, налили из плоской фляжки в заранее приготовленные настоящим полковником берестяные стаканчики и не чокаясь выпили.

– Спирт что-ли?

– Фронтовые, Ваня, как положено.

– Иван Петрович, а пошли ко мне домой. Маша празднич-

ный ужин готовит. Пошли, а?

– Ваня, а ревновать точно не будешь? Я ведь свою Галину выбрал, потому как очень на Марию похожа, очень, как сестра родная!

– Уймись уж, ухаждёр старый. Мне ведь 70 скоро и Маше за 60. Что было, то было. Пойдём?!

Вечерело ...

Иван Фёдорович накинул на плечи пиджак. Звякнули стройно вывешенные боевые награды.

– Иван, а «Красную Звезду» когда получил?

– В январе 43-го, за наш с тобой Сталинград, пока ты по госпиталям прохлаждался.

– Слушай, а с орденом что – почему куска не хватает – пулю что ли поймал?

– Пулю, Иван Петрович, пулю. Считаю, что орден этот да ватник солдатский, что на мне был, меня и уберегли. Ну давай, наливай, что-то холодает!

– Давай, Фёдорыч, по единой!

У боевого ордена «Красной Звезды» Ивана Фёдоровича на одном из лучей отсутствовал приличный кусочек алого стекла и эмали, обнажив потускневшее серебро ...

В марте 1970 года было не по-весеннему тепло. У Ивана Фёдоровича и Марии Павловны гостил на школьных каникулах их младший 9-летний внук Павел, приехавший в Горький из небольшого городка, что на краю области. Дедушка с бабушкой сделали всё возможное, чтобы каникулы внуку по-

нравились: каждый день ему давали деньги на кино и он мог себе позволить сходить не только на детские утренние сеансы за 10 копеек, но и по 25 копеек на сеансы взрослые; посетил юный Павлуша и огромный местный цирк, где впервые увидел дрессированных хищников и смешных ярко раскрашенных клоунов. В довершение всего Иван Фёдорович, заметив у внука тягу к воинским атрибутам, пришедшим вместе с дедом с полей Второй Мировой – офицерской кобуре с шомполом, фронтовому биноклю «Карл Цейс» 1914 года производства, капитанским погонам – пошил внуку военный китель с этими же погонами. Также был куплен набор разноцветных пластмассовых воинов «Куликовское сражение» ценой в полтора рубля, желанное сокровище для внука к вящей зависти его школьных друзей!

На фото: внук Павел в «капитанском» кителе с портупеей и кобурой.

Павлуша, «потеряв берега», возжелал большего. В его малолетних мозгах созрела и оформилась мысль, что на свежешитом кителе с погонами должна обязательно быть боевая награда. Награды в магазинах не продавались (не то, что в нынешнее время – любой каприз за ваши деньги). Внук знал, где хранятся награды Ивана Фёдоровича, которые никогда не прятали и в день перед торжественным отъездом на малую историческую родину по окончании каникул, втайне от деда и бабы выбрал самый достойный его, как он полагал, орден – орден «Красной Звезды» (ведь он такой праздничный, такой малиновый и тяжёлый), завернул его в носовой платок и спрятал в боковой карман кителя. Всё, к отъезду готов!

Вечером случайно было обнаружено отсутствие ордена. Дед шумел на бабушку, упрекая её в отсутствии памяти и элементарного порядка в хранении всего-всего-всего. Мария Павловна, как умная и любящая женщина, молча переносила громкие упрёки мужа и в очередной раз методично перебирала-перепроверяла коробочки, баночки, свёртки, одежду, постельное бельё, пол под тахтой и под кроватью и, конечно, мусорное ведро. Пусто...

У Ивана Фёдоровича разболелась голова, поднялось дав-

ление. Аппаратов для измерения АД ещё не придумали и Муся измеряла давление мужу золотым обручальным кольцом, подвешенным и раскачивающимся на нитке над венами левой руки мужа. На вопросы: «Не видел ли орден? Не брал ли его?» внук Павлуша уверенно отвечал – НЕТ!

Утром за внуком приехал отец. Иван Фёдорович из-за плохого самочувствия не смог выйти проводить уезжающих. Одна Мария Павловна сопровождала их горячо любимого внука. Щёки Павлуши были чем-то перепачканы – видимо классным бабушкиным вареньем из китайских яблок. Мария Павловна, дабы не осрамиться перед зятем, прощаясь, присела на корточки, чтобы вытереть следы сладкого удовольствия, спросила: «У тебя есть платочек?»

И, не дожидаясь ответа, достала из правого кармана маленького кителя носовой платок внука – она сама приучала его носить с собой платок и хранить его в правом кармане, как у всех.

С тяжёлым стуком из извлечённого платка на булыжную мостовую Почаинского оврага выпало что-то. От падения блеснули и брызнули маленькие яркие искры. Мария Павловна осторожно, как ядовитую змею, подняла ... Орден. Орден «Красного Знамени». Уже не совсем Красного, но всё равно Знамени – у одного из лучей ало-малиновой звезды откололся кусок стеклянно-эмалевого покрытия, обнажив серую серебряную основу ордена.

– Что случилось? – зять Алексей почувствовал что-то

неладное и навис над внуком.

– Ничего, Лёшенька, ничего. Мы просто испачкались... – Мария Павловна незаметно сунула находку в карман платья.

Внук стоял ни жив, ни мёртв и медленно заливался пунцовым цветом – цветом ордена «Красного Знамени».

– Иван, выйди на минутку. Выйди, пожалуйста – Мария Павловна обратилась к окну их коммунальной комнаты на втором этаже. – Выйди, Ваня!

Бабушка подошла к авто, проверяя, удобно ли будет внуку провести несколько часов в пути и мягко ли ему на заднем сидении. Из подъезда вышел бледный и тихий Иван Фёдорович. Мария Павловна легко скользнула к нему, что-то незаметно сунула в руку и быстро прошептала на ухо. Иван Фёдорович вздрогнул, распрямил свою до этого ссутулившуюся спину, подошёл к внуку, наклонился и погладил своего меньшого по голове. Ощувив его колючую макушку, нагнулся и поцеловал эти родные тёплые вихры ...

Вечерело...

Отправив супруга на долгожданную встречу с однополчанами, Мария Павловна хлопотала на общей коммунальной кухне, готовя праздничное угощение и накрывала стол свежеприготовленными жареной курочкой, салатами; ставила остужать напитки в гудящий холодильник «Саратов». Взглянув на часы, Мария Павловна ахнула: на дворе уже темнеет, а Ивана Фёдоровича, ушедшего утром, до сих пор нет.

На предложение сходить поискать деда легко откликнулся

14-летний подросток – младший внук Павел, благо до Драмматтеатра от силы 10 минут ходьбы. Тёплый яркий майский вечер был под стать празднику. Ивана Фёдоровича он нашёл достаточно быстро: высокая (за 185 см) фигура в тёмном пиджаке, украшенном россыпью золотистых и серебристых регалий, была видна издалека. Дед помолодел лет на 50 – глаза блестящие, спина прямая, не взирая на возраст. Он обнимал мужчин разного роста и комплекции, но с одинаково горящими глазами, видимо, нашедшимися однополчанами.

– Дед, Мария Павловна ждёт к столу и волнуется!

– А? Да-да, сейчас, вот с друзьями попрощаюсь и приду.

– Дед, а можно я на салют останусь?!

– Давай, только возвращайся не поздно.

– Хорошо, в половине одиннадцатого буду дома.

Иван Фёдорович погладил своего меньшого внука Павла (уже не Павлушу) по голове, и вновь, как когда-то, ощутив его колючую макушку, нагнулся и поцеловал эти родные тёплые вихры ...

П Р И К А З

В О Й С К А М 2 - Й Г В А Р Д Е Й С К О Й А Р М И И

О награждении личного состава

13 января 1943 года

№ 015

Действующая Армия.

От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и

мужество Н А Г Р А Ж Д А Ю:

ОРДЕНОМ «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»

1. Гвардии старшего лейтенанта БУБНОВА Ивана Федоровича, заместителя командира 3 батальона по политической части 13 гвардейского стрелкового полка 3 гвардейской стрелковой дивизии.

КОМАНДУЮЩИЙ 2-Й ГВАРД. АРМИИ

ГВАРДИИ

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ

МАЛИНОВСКИЙ

На фото: гвардии капитан Иван Фёдорович Бубнов.

Апрель 1945 года. Город Кенигсберг.

Рассказ 3

День Победы 9 мая 1975 года

Город Горький отмечал 30-летие Победы в Великой Отечественной Войне. Тёплый как по заказу весенний день 9 Мая 1975 улыбался горожанам и всем приехавшим полюбоваться празднованием Дня Победы жителям Горьковской области и всех одинаково согревал ярким солнцем и безоблачным небом.

По главной улице города – улице Свердлова – мимо Драматического театра строем прошли спортсмены-конники в белых лосинах и белых водолазках верхом на конях с вплетёнными в гривы и хвосты яркими лентами; на красиво украшенном грузовике ГАЗ-53 с огромными римскими цифрами ХХХ, символизирующими возраст Великой Победы, в кузове ехали и улыбались прохожим знаменитые горьковские спортсмены: олимпийские чемпионы по биатлону и по хоккею с шайбой, (постарше) вместе со «свежеиспечённым» чемпионом мира по хоккею (помоложе), все в белых, одинаково пошитых, элегантных костюмах.

А центральная площадь города – площадь Минина – заполнялась людьми, прибывающими со скоростью горного

потока. Настоящее наводнение зрителей, поистине людское море, весело колыхалось и разливалось по прилегающим к площади улицам. Улетающие в небо кем-то отпущенные воздушные шары сбивались в стайки и рукотворными облачками плавно перемещались по яркому весеннему небу. Гул голосов, торжественные слова дикторов из громкоговорителей, шумные вздохи-выдохи духовых оркестров – атмосфера праздника будоражила и зачаровывала!

Все ждали наступления темноты – все жаждали салюта, в то время зрелища весьма редкого и желанного. Тротуары, проезжая часть, газоны, скамейки сквера были запружены горожанами и приехавшими сельчанами. Некоторые самые безбашенные в поиске удобных для лицезрения салюта мест взгромоздились на постамент памятника Козьме Минину, расположенному в центре площади, благо милиция в этот священный для советского человека день никого особо не трогала.

Поняв, что меня легко могут затоптать и праздник может окончиться, даже не начавшись, я упорно пробивался к киоску «Газеты и журналы», расположенному неподалёку от упомянутого памятника. Не тут то было! Таких умных, как я, карабкающихся на крышу киоска, вокруг суеилось человек 10. Но друг другу не только не мешали, но и помогали – перевешивались с крыши киоска, протягивали руки и втаскивали наверх очередного смельчака, преимущественно мальчугана. У витрины киоска суеился какой-то мужичок,

пытаясь подсадить на руках очередного страждущего праздника и высоты. Правда, страждущий своими габаритами, да, видимо и массой, превосходил щуплого, небольшого роста помощника, но последний не сдался и багровея от натуги, посадил упитанного мальчугана на крышу.

Почувствовав мой взгляд, мужчина, ростом не достающий мне даже до плеча, обернулся и улыбнулся мне искренней обезоруживающей щербатой улыбкой, явно стесняясь неполного комплекта зубов во рту.

– Сынок, тебя посадить?

– Спасибо, отец, справлюсь. С праздником!

– Спасибо, сынок, спасибо. Мужичок смущённо одёрнул задравшийся пиджак, застегнул его на все пуговицы и разгладил пустые лацканы пиджака. Пиджак был старый, серого цвета в блёклую клетку с разнокалиберными пуговицами. Старые, но чистые брюки свободно болтались на их обладателе, были явно великоваты дяденьке, но он этого не замечал. Подсадив очередного мальчугана, снова заговорил со мной:

– Сынок, я ведь тоже воевал. Всю войну прошёл, с октября 1941 по май 1945 года, от Горького до Кенигсберга дошёл! Ранен был дважды, в медсанбатах и госпиталях позволялся вдоволь!

Поняв, что с моего места салют будет виден хорошо, а в случае чего можно сигануть на крышу киоска, я успокоился и стал оттапывать ноги окружающим и остановившимся

проходим, чтобы закрепить свой асфальтовый «плацдарм».

– А медальки-то у меня есть! И ордена есть, сынок! Я ведь и Ленинград освобождал и Сталинград, и Вену с Будапештом брал, за что медальки то имею. А орден Красной Звезды и «Отечественной Войны» II степени мне сами командующие фронтом вручали: генерал-полковник Константин Константинович Рокоссовский в 1943 году и целый маршал Александр Михайлович Василевский в 1945!

– Фронтовик я, сына, фронтовик! На глазах вмиг постаревшего, осунувшегося, сжавшегося, ещё не старого мужчины, но вдруг старика, заблестели слёзы и мокрыми дорожками обозначили не заметные до того морщины. Слёзы повисли на подбородке говорившего, подрагивая и одиноко срываясь вниз. Дрожал подбородок мужичка, дрожал его вдруг севший голос.

– Батя, а что ж ты награды-то сегодня не одел. Торопился на салют, что-ли?

– Нет, сына, не забыл я и не торопился ...

– Может успеешь домой стогнать за наградами, батя, до салюта есть ещё время!

– Не успею, сынок, не местный – живу в Починковском районе, из села я!

– Батя ... – не успел договорить: где-то недалеко бабахнуло не по-детски и в тёмно-синее уже ночное небо протянулись быстро растущие трассирующие ниточки салютных зарядов.

БА-БАХ!

БА-БАХ!!

БА-БАХ!!!

И ещё раз, и ещё и снова!!!

Высоко над площадью прямо над головами зрителей расцвели-распухли-лопнули огромные нестерпимо яркие грохочущие шары салюта! Красно-бело-розово-серебряные бутоны разрывов фантазмагорическими цветами ослепили ночное небо. Лопнули и погасли. В неподвижном небе пронеслась и исчезла стая перепуганных птиц; лёгкий ветерок уже очищал небесный холст, стирая с него серое уплывающее облако пороховых газов и следы сгоревшей пиротехники, готовя место для нового действия.

Многотысячный выдох толпы и нестройные крики ухнули уже дружным рёвом, повторявшимся и делавшимся всё сильнее и слаженнее с каждым новым залпом артиллерийских орудий, расположенных чуть ниже праздничной площади на одном из уступов знаменитых Дятловых гор.

Толпа вновь пришла в радостное, но неуправляемое и опасное движение. Так и затоптать могут. Я заполошно за карабкался на спасительный киоск, откуда свесились руки других пацанов, кто за руку, кто за ногу, кто за штаны втащивших меня на плоскую крышу. Снизу меня подталкивал мой новый знакомый.

– Идите к нам, отец! Здесь безопасней!

– Спасибо, сынок, я уж тут тихонечко.

– Батя, ты лёгкий, мы тебя затащим. И видно отсюда здорово!

– Спасибо, сына, вы там осторожней – крышу не продадите!

Оторавшись и отпрыгавшись вволю после 30 оглушительных залпов и поняв, что это всё и праздник закончен, народ опять пришёл в движение и стал радостно расходиться. Праздничная пятница постепенно переходила в праздничную субботу. А меня дома ждут и наверное волнуются мой дед по материнской линии ветеран-орденоносец Иван Фёдорович и любимая бабушка – верная его спутница Мария Павловна. Иван Фёдорович чуть ранее на Театральной площади у Драматического театра встречался с воинами-однопольчанами, откуда вернулся очень воодушевлённый, радостный и немного, прямо чуть-чуть, расстроенный. А Мария Павловна, в честь отца которой меня и нарекли, приготовила чудесный праздничный обед и ужин сразу, на который они ждали меня с нетерпением.

Внизу, прижатый многолюдным мощным человеческим потоком к стенке киоска, меня встретил мой новый знакомый. Разгорячённый невиданным ранее зрелищем, я про него совсем забыл. Чтобы как-то скрасить неловкость момента, ничего лучшего не придумал и выдал:

– Дядя, ты хоть завтра не забудь и одень свои награды!

А дядя смущённо улыбнулся:

– Не смогу сынок!

– Как так?

– Сынок, да после войны детки коробочку утопили!

– Отец, ты о чём? Какая коробочка? У тебя что, голова разболелась?!

– Нет, сына, ты послушай, я всё скажу.

Домой, конечно, хочется, но старших надо уважать – так меня учили. Незаметно вздохнув, я приготовился слушать, впрочем, без особого интереса.

– Сына, коробочку мою детки малые утопили.

– Отец, я опять не понял ...

– Сына, свои ордена и медали я хранил в жестяной коробочке из-под сладостей. Все вместе хранил. В целлофан завернул каждую, верёвочкой перевязал. Хорошая такая коробочка из жести, «40 лет Великого Октября» называется. По боку картинки там всякие, матросы с солдатами революционными бегают, да крейсер «Аврора» плывёт ... В буфете хранил. А по-праздникам доставал награды-то и надевал. Уж как детки любили поиграться медальками. И пионеры-школьники ордена приходили посмотреть. Из нашей сельской школы.

– Где это было, батя?

– В селе моём небольшом, в Починковском районе. А дело-то было летом, в начале 60-х годов. Уже и деньги поменяли...

Приходят ко мне внуки мои, Вася и Степан: «Дед, можно медальки посмотрим да поиграем малость?» Как откажешь

любимкам. Вынул из буфета, играйте! Да забыл малость про коробочку-то, до того ли, дел в деревне всегда полно, голова чем поважней занята. Вспомнил только 6 ноября, накануне праздника Октябрьской Революции, чтобы значится при наградах с односельчанами посидеть. А на полке в буфете не нашёл коробочки. Поспрашал близких, может видел кто? Жену замучил расспросами, ажно голова разболелась да и у неё давление подпрыгнуло. Так вместе и вспомнили, что внучки-пострелята их летом-то брали. Стал их, внучков, выспрашивать – а они одно твердят, не знаем ничего, коробочку тебе в руки возвернули. А сами жмутся как-то, глаза прячут... Говорю, рассказывайте, куда медальки дели, ничего вам за то не будет, только правду говорите! «Деда, утопили мы твою коробочку в речке!» Да как же это? День, говорят, больно жаркий был, мы и пошли на речку Алатырь, что рядом с селом, искупаться. «Ну и?» «Деда, коробочку мы на берегу на песочек положили, а соседский мальчишка Шабав Вовка, что постарше был и тоже в реке купался, взял коробочку и стал в ней швыряться. Мы ему – не трожь, не твоё, это деда нашего! А он нам – я вас, соплей, и спрашивать не намерен. Мы на него, а он здоровый такой, коробочку поднял высоко – не допрыгнуть – и говорит – что хочу, то с ней и сделаю! Хочу – возверну, хочу – в речку брошу. Не смей, говорим, а то худо будет. Ах так! – отвечает – и как зашвырнёт коробочку-то на середину речки, на глубинку. Зашвырнул, дурень, заржал как конь и в село сбёг. «А что ж вы мне

сразу не сказали, я бы нырнул и достал медальки!» Деда, побоялись мы тебе говорить, ведь выпорешь нас; а нырять мы ныряли, да глыбко там, не достали. Да и течение сильное, уносит далеко!

– Показали мне то место на реке, пострелята! Течение там действительно быстрое, да и занесло поди мою коробочку на дне песком да илом.

– Отец, неужели так и не нашёл свои награды – спросил я, не утерпев.

– Да куда там, не вызывать же из-за такой малости водоплаз с района. Засмеют, честное слово засмеют.

– Так может восстановить и получить взамен новые через военкомат?

– Нет, сына, меня ведь на фронте после боя прямо перед строем награждали военначальники большие, а не в колонных залах под музыку... Не знаю, всегда ли комиссары бумаги-то наградные опосля оформляли и в тыл отсылали. Вот так вот, сына...

Не зная, что ему ещё сказать и как поддержать его, я обнял героя-фронтовика: «Держись, батя, всё будет хорошо!»

– Я знаю, сына, я знаю... Храни тебя бог!

– Отец, ты верующий что-ли?

– Все мы, сынка, после войны верующие. Он стесняясь, перекрестил меня. «Храни тебя бог!»

– С праздником, отец!

На том и расстались. Он повернулся и незаметно раство-

рился в весёлой и слегка нетрезвой людской массе. А я радостно понёсся в свой родной Почаинский овраг к любимым дедушке и бабушке на праздничный ужин.

История эта имела неожиданное продолжение через 23 года.

После окончания средней школы и обучения в местном университете, потрудившись на оборонном предприятии, прибыл я на службу в органы внутренних дел, где и задержался до самой пенсии. И в годы лихие, в середине 90-х, пришлось побывать в некоторых гористых районах любимого Отечества с целью «восстановления конституционного строя», за что был награждён орденом. Ну наградили, да и ладно.

На фото: автор с друзьями-однополчанами. Где-то там...1996 год.

Жизнь продолжалась, но почему-то не улучшалась. Учитывая наличие двух детей-подростков и неработающей жены (какому работодателю нужна дама с двумя часто болеющими детьми), с финансами дело было швах... И в один прекрасный апрельский день 1998 года, подобно герою фильма «Тридцатого уничтожить» Сергею Черкасову, не имевшего средств к существованию и поэтому пытавшегося продать на рынке свои боевые награды, я отправился на местную нумизматическую точку, где лихие дельцы продавали-покупали любые символы эпохи. Приехав на площадь Ленина, где базировались эти злодеи, на тротуаре у парапета, отделяющего набережную реки Оки от проезжей части, трепетно предъявил двум барыгам свой орден «За заслуги перед Оте-

чеством» II степени.

– Где взял орден, командир?

– Так, поносить дали (хотя орденская книжка на моё имя с факсимиле тогдашнего Президента Б.Н. Ельцина осталась дома как память).

– Что от нас хочешь?

– Продаю его. Возьмёте?

Менялы взяли орден, покрутили в руках, посмотрели оборотную сторону, прицениваясь, подбросили на ладони, прищурились и спросили:

– Сколько за него хочешь?

– А сколько дадите?

– 16 рублей.

Для непосвящённых поясню, что с 1 января 1998 года номинал денежных единиц сократился на три порядка, то есть в 1000 раз.

– А что так мало?

– За что больше давать? Это серебро да цветная эмаль.

Бери командир, мы сегодня хорошие – в следующий раз меньше предложим!

Дельцы дружно заржали. К ограде набережной были приставлены дощечки, обтянутые бархатом, с теснившимися на них раритетными значками, памятными знаками, наградами разных стран и народов. Успокаивая вспыхнувший внутри пожар и пытаясь выровнять дыхание (драться нельзя! нельзя драться! сам сюда припёрся!), я якобы внимательно рас-

смастривал эти блёстки прошлой жизни. Внимание привлекла небольшая железная коробочка желтоватого цвета с надписью «40 лет Великого Октября. 1917 – 1957», расписанная лавровыми ветвями и красными знамёнами.

– Можно посмотреть!

– Смотри, командир, не жалко! Можешь даже купить.

По бокам коробки в атаку бежали революционные матросы и солдаты с оружием в руках, крейсер «Аврора» стоял на рейде на фоне современных кораблей, комбайны убирали в полях урожай, а огромные краны возводили странное сооружение – видимо, плотину для гидроэлектростанции. Красота!

– Почём?

– Сорок рублей.

– А что так дорого?

– Так красотища же, командир! Раритет 1957 года. Вообще их выпускали с конфетами или печеньем внутри. Подарочный набор рабочему и крестьянке! А твоя бляшка что – таких сейчас много! – барыги дружно заржали.

– Так будешь брать коробку, командир? Подумай! А я тебе пока историю расскажу, чтобы понял истинную цену товара!

– Что за история?

– А коробочка эта, командир, не простая. Со значением!

На ветреной апрельской набережной никого, кроме нас троих, не было. Рассказчик развинул маленький термос, налил в крышечку дымящегося чая, выпил и продолжил:

– Родители мои из области, с Починковского района. Иногда езжу к ним, проведываю. В прошлом году гостил у них, помогал по хозяйству малость. И подходит ко мне местный охламон, Вовчиком зовут, пьянь редкостная – любитель по праздникам с ножичком в руках за девками гоняться, уму-разуму их учить! От родичей узнал про мои интересы и говорит: «Ты же этот, нимивзат?». Что, говорю, давно по рогам не получал, шушера пузская? «Не, говорит, не так сказал: нумизмат – ты же всякое старьё покупаешь, ну там значки-штучки разные?». «Ну, допустим». «А купи ты у меня ордена-медали новые-хорошие!» Ну, дал ему закурить. Пошли, говорю, твой товар смотреть. Пришли к нему в дом – дом пустой, подслеповатый, валиться начал. Живёт один, ни жены, ни детей. Родители – Шабаевы их фамилия была – умерли давно. И достаёт Вовчик из-за иконы вот эту самую коробку, а в ней – 2 ордена боевых и 4 медали разные, все времён Великой Отечественной. В хорошем состоянии, даже лента на медалях не выгорела.

– Где взял?

– Нашёл!

– Где нашёл?

– Да в реке нашей как-то купался, да ногой на дне нашарил что-то. А лето было жаркое, речка обмелела. Я понырял, да и достал вот это. Дома открыл – и обомлел: там ордена-медальки так аккуратненько лежат. Купишь?

– А не ворованные награды-то?

– Да ты что, ни в коем случае!

Ну и купил у него всё, оптом, вместе с коробкой. За 5 литровых бутылок спирта «Рояль».

– А где награды? – это уже я спрашиваю.

– Все купили. Разлетелись как горячие пирожки! Ну а ты свою медальку-то продавать будешь?

– Нет, дорогой!

– Что так?

– На память оставлю. Родится внук, повешу ему на шапку – пусть зимой с горки катается.

– А не родится внук, тогда что?

– Собаку заведу. Повешу ей на ошейник – будет медалистка.

Прошло время. Собаки у меня нет. А внук есть. Замечательный внук!

Рассказ 4

Шагом марш ... на войну

Он стоял в распахнутом, не по фигуре подобранном солдатском бушлате, с растрёпанными по ветру волосами, торчащими из-под впопыхах напяленной форменной шапки, напоминая нелепый памятник, нечаянно оброненный нетрезвыми архитекторами и внезапно торчащий посреди заснеженного пустыря... Стоял не понимая, что происходит вокруг и где он собственно находится. Потерянный вид, отсутствующий взгляд выдавали его внутреннее, по-видимому полуобморочное состояние, близкое к панике. Не в силах что-либо изменить и возможно, гоняющий внутри себя мысли «Ещё не поздно сбежать!» и «Всё пропало!», он был на грани обморока, последним усилием воли удерживая себя от падения в белый снег белым как мел лицом. Звали этого человека Антоном Антоновичем; ещё вчера командовавший сельским районным отделом внутренних дел в тихой провинциальной глуши, тревожимой лишь перезвоном церковных колоколов; а через несколько дней обязанный стать начальником временного отдела внутренних дел одного далёкого и очень непростого района непокорной Чеченской рес-

публики и отцом-командиром для нескольких сотен милиционеров на долгих как минимум 180 суток. Он будто выпал из реальности, не слыша слов рядом находящихся советников, не слыша громких команд и комментариев происходящего, доносящихся из громкоговорителей штабного милицейского автобуса.

24 февраля был вторым днём празднования Дня Защитника Отечества или как привычной и родней – Дня Советской Армии и Военно-Морского Флота. Выдающимся умам в областном главке МВД именно в этот день приспичило провести командно-штабные учения для сплачивания гарнизона правоохранителей, убывающих через неделю в рекордную по длительности полугодовую командировку на территорию Северо-Кавказского региона в район проведения контртеррористической операции. На заснеженном пустыре, на недостроенной и поэтому заброшенной автотрассе в лёгкую метель мне как опытному борцу с незаконными вооружёнными формированиями и прочими сепаратистами предстояло показать мастер-класс для впервые отъезжающих на войну тогда ещё милиционеров. И, кстати, также через неделю предстояло стать для них отцом-командиром, но не для всех, а для почти полутысячи лиц рядового и младшего начальствующего состава, предоставив остальные полторы сотни под крыло вышеупомянутого Антона Антоновича. Вот как-то так...

По задумке организаторов учений колонна техники с рос-

сийскими милиционерами продвигается по территории мятежной республики. Выставив при этом головной разведдзор, группы боевого охранения на флангах и замыкающую движение группу арьергарда. Колонна получилась действительно неплохой – приличная слегка организованная толпа пеших разношёрстных милиционеров-зрителей, собирающихся в командировку и штабной автобус с наблюдателями во главе процессии. Всё остальное – авангард, арьергард, боевое охранение – всё это я и пятеро отобранных мной из общего строя рядовых бойцов, получивших позывные с 1-го по 5-й, выглядевших поприличней и одетых хотя бы одинаково. А толпа жаждала зрелищ и я должен был ей эти зрелища обеспечить. Ну что ж, получайте...

Над заснеженным пустырём трубным голосом Архангела Михаила разносились слова офицера – комментатора учений, многократно усиленные аппаратурой штабного автобуса, вгоняющие наблюдающих в лёгкий ступор и пугающие случайных свидетелей этого зрелища.

– На пути движения колонны обнаружен завал, препятствующий дальнейшему продвижению. Давайте проследим за действиями командира охранения и его подчинённых!

Путники как в театре застыли в немом удивлении, ожидая дальнейшего действия. Роль завала исполняла куча мусора и веток деревьев, украшенная сверху старым ржавым невесть откуда взявшимся кладбищенским памятником.

– Командир, у нас ноги замёрзли, мы курить и сикать хо-

тим! – обратились ко мне мои помощнички – brave покорители Кавказских гор.

– Так, бойцы-зассанцы, слушай мою команду: один самый терпеливый ко мне, остальным разойтись веером в разные стороны. Морды лица сделать звериные, нижнюю челюсть вперёд, автоматы направить в сторону предполагаемого неприятеля. Ссать быстро и уверенно!

Расставив таким образом пятёрку отважных бойцов вокруг себя, решил осмотреть кучу, изображающую непреодолимый завал, с целью его дальнейшего преодоления. Присев на корточки, чтобы лучше думать, вдруг осознал, что это было лишним: выпитый накануне в честь праздника крепкий алкоголь неожиданно мощной волной накатил и бросил меня в пучину головокружения. Пришлось с умным видом прилечь на снег, с блаженством ткнувшись горящим от выпитого накануне лицом в спасительный снег. А над степью разнеслись слова комментатора из штабного автобуса, многократно усиленные мощными динамиками:

– Командир боевого охранения, обнаружив завал, препятствующий продвижению колонны с личным составом, остановил движение и грамотно организовал круговую оборону, выставив заслоны в местах наиболее вероятного появления противника! Командир лично проводит осмотр завала на случай нахождения противотанковых и противопехотных мин!

– Командир, Вы как? – неожиданно проявил обо мне забо-

ту оставшийся со мной сержант. Оказывается, от снега мне похорошело и я немного уснул.

Посмотрев снизу на этот памятник бесхозяйственности почти трезвыми глазами, понял, что ночная оттепель вморозила архитектурный шедевр в ледовую корку.

– Гони за подмогой, бери автобус и трос – сами не вытащим, вчерашние идиоты-устроители перестарались.

Заботливый юноша-сержант унёсся в снежную даль, сверкая подкованными подошвами.

Лёгкий на подъём Сергей уверенно подогнал штабной автобус, в котором разыскал стальной трос и мы вдвоём таки растащили это безобразное и безбожное заграждение.

Сергей Яковлевич, сержант милиции,
милиционер ППС, в дальнейшем
сотрудник уголовного розыска,
первый заместитель начальника
районного управления внутренних дел,
подполковник полиции

А над снежным полем неслось вдохновенное штабное:

– Опытный командир лично разминировал дорожный завал и оперативно организовал освобождение трассы от вражеского препятствия, избежав потерь среди личного состава!

– Колонна продолжает своё движение к пункту временной дислокации – не унимался диск-жокей из командного авто-

буса.

Ну, значит продолжаем движение... Справа на примыкающей к трассе полузаброшенной колее нарисовался автомобиль – УАЗ-«буханка» с до боли знакомыми очертаниями. Что-то близкое и почти родное.

– Сергей, перекур. Остаёшься за старшего! – ноги так и несли меня к проявившемуся из снежной дымки автомобилю.

Ну-ка ну-ка! Так и есть! Милиционеры моего подразделения, в котором я имел честь служить, по плану «отрабатывали» недалеко расположенный рынок на предмет розыска похищенных и незаконно реализуемых вещей и предметов. Возглавлявший группу командир роты Сергей Николаевич, вчера также успешно совместно со мной отметивший День Защитника Отечества, сноровисто завершил отработку мест сбыта похищенного и вспомнил о своём командире, то есть обо мне. Дверь авто – «буханки» приветливо распахнулась, а там:

на приставном столике внутри салона автомобиля дымилась (!) отварная картошечка; под слезящимися кольцами лука лежали аппетитные куски селёдки (а может и скумбрии – кто их разберёт, времена-то были не очень сытые); прелестная 1,5-литровая бутылка газировки «Колокольчик» яркой этикеткой услаждала взор и вызывала приступ «сушняка» и в завершении картины безудержного пиршества на столе строго присутствовала водка «Господа офицеры» в количе-

стве двух штук.

– Командир, кончай «мочить бородатых»! Мы уже заждались! – это любезный сердцу моему командир роты капитан Сергей Николаевич.

Сергей Николаевич, капитан милиции
воин-интернационалист, награждённый
в период срочной службы медалью
«За отвагу» за исполнение интернационального
долга в Республике Афганистан,
ветеран боевых действий в Чеченской республике.
Погиб при выполнении специальной операции
по освобождению заложников.

Вкусный и полезный обед пролетел незаметно. Пора было возвращаться к своим театрално-кинематографическим обязанностям. Поправив пошатнувшееся здоровье и с сожалением захлопнув дверь гостеприимной «буханки», командирским шагом направился к своим нерешительно переминающимся с ноги на ногу терминаторам. А над белым полем громко разнеслось неподражаемое и шедевральное:

– Обратите внимание на профессиональные и грамотные действия командира боевого дозора! Заметив невдалеке транспортное средство с местными жителями, он решительно вступил в контакт с ними. Установив доверительные отношения с населением, он получил оперативную информацию о местах возможного нахождения боевиков, расположе-

нии их засад и заручился помощью и поддержкой простых чеченских тружеников. Учитесь и запоминайте!

Следующим актом по сценарию командно-штабного учения была атака бандформирований на колонну российских милиционеров. Ну то есть атака на меня и моих хлопцев, с которыми я лишь час назад познакомился. Роль главаря сепаратистов исполнял преподаватель местного учебного центра Павел Анатольевич, боевиков – курсанты того же учебного центра, порядком замёрзшие в снежных засадах-окопах ожидаючи нас и поэтому уже порядком нас ненавидевшие.

План действий предполагал, что моё воинство скрытно, мастерски (для глаз непосвящённого) и незаметно выявит бандитов, уничтожит или отвлечёт их на себя. Скрытно: легко сказать да нелегко сделать – если свернуть с чуть виднеющейся дороги влево-вправо – сразу по-пояс провалишься в сугробы и увязнешь в них надолго. Поэтому даю команду:

– Оружие – на изготовку. Предполагаем нападение противника. Рассредоточиться, наблюдение – на 180 градусов – для особо одарённых скажу по-русски: смотрим во все глаза налево, направо и вперёд. Огонь – по моей команде. Сержант Сергей – ко мне. Вперёд!

Бойцы беспрекословно образовали полукруг, наострили глаза и уши и рванули вперёд, порядком успев подзамёрзнуть.

– Сергей, будь рядом со мной.

– Я хочу с парнями – ответил он.

– Нельзя, ты – снайпер, цель я назову позже, будь готов.

– Всегда готов, командир!

Расчёт на порядком замёрзших и очумевших в нашем ожидании соперников оправдался: слева метрах в 30 из сугроба выскочила одинокая фигура в чёрном, яростно и возмущённо заорав голосом друга моего Павла Анатольевича:

– Какого чёрта вы в полный рост прёте, капелевцы – евы!!!

Павел Анатольевич, подполковник милиции,

проходил службу в ВС СССР

на офицерских должностях, в том числе в

Демократической Республике Афганистан.

Награждён государственными наградами.

Подполковник милиции в отставке,

преподаватель боевой подготовки

в частной охранной организации

Вместо того, чтобы дать команду заледеневшим подчинённым на открытие огня и нашу нейтрализацию, Павел Анатольевич затрясся в священном гневе кадрового военного, обнаружившего грубое нарушение незыблемых воинских канонов ведения встречного боя.

Но команду подал я:

– Противник слева, удаление 30 метров. Рассредоточиться. Первый и второй – открывать огонь самостоятельно при обнаружении новых целей, третий и четвёртый – огонь не открывать, наблюдать вперёд и вправо! Сергей: цель – бое-

вик в чёрном слева. Огонь!

Сергей сноровисто перевёл автомат в режим одиночного огня (увы, снайперские винтовки на командно-штабные учения не положены), быстро прицелился и выстрелил.

– Сергей, контрольный выстрел – огонь!

Мы снаряжены холостыми патронами, на стволах автоматов насадки для ведения пустого огня – всё-таки манёвры, а не война. Павел Анатольевич в горячке не понял, что уже «готов», поэтому пришлось подать эту смешную для профессионалов команду. Хлопнул новый выстрел: сержант Сергей удовлетворённо крякнул «Готов – уносите!»

– Павел Анатольевич, Вы убиты! – сообщил-проорал печальную новость своему визави.

– Это не по правилам! Это нечестнааа! – не унимался поверженный сепаратист.

Ах, как наслаждался этим зрелищем офицер-посредник-диктор в штабном автобусе! Ранние зимние сгущающиеся сумерки вибрировали от его победного голоса;

– Дозорная группа своими грамотными действиями обнаружила засаду боевиков, выявила и ликвидировала лидера бандформирования и готова отразить новую атаку противника!

В защиту своего поверженного вожака из сугробов как призраки поднялись мёрзлые фигуры курсантов-противников, готовых вступить за честь своего поверженного шефа. Мои номера первый – второй без команды легко и непринуж-

дённо короткими автоматными очередями «завалили» этих повстанцев.

– Господа, вы убиты – сообщил им эту неприятную весть. В ответ послышались возмущённые крики вперемешку с ругательствами.

– Третий и четвёртый – скрытно вперёд! Зайти в тыл противнику и по-возможности взять бандитов живыми.

Мои замёрзшие джеймсы бонды охотно заскользили вперёд и влево, скрытно и с азартом охотников подбираясь к неприятелю. А возмущённый и неопытный противник, увлечшийся профсоюзным собранием и стихийным митингом, не заметил приблизившейся опасности и был в упор расстрелян (частично) и захвачен в плен (частично) номером третьим и номером четвёртым.

А как по-театральному пафосно, с драматическими паузами в полнейшем восторге заливался комментатор из штабного автобуса:

– Дозорная группа и группа охранения своими слаженными действиями отбила атаку боевиков и связала их действия встречным боем! Кроме того, огнём и манёврами они подавили активность нападавших, отвлекли их внимание, скрытно приблизились к позициям противника и уничтожили живую силу врага, пленив при этом часть бандгруппы!!!

Ведущий мероприятия, пardon командно-штабного учения, офицер-оратор не унимался:

– Мы уверены, что командир дозора подполковник Зару-

бин (в смысле я) грамотно допросит пленных и предоставит в штаб подразделения ценную оперативную информацию!

– Товарищи сержанты, прапорщики и офицеры. Учения закончены, цель учений достигнута благодаря грамотным и самоотверженным действиям группы подполковника Зарубина. Всем – спасибо. Возвращайтесь в свои подразделения и лёгкой вам командировки в Чеченскую Республику! Разойдись!

Вот так. Всё смешное и нелепое закончилось.

Это моя вторая по счёту война. Это пятая по счёту и рекордная по длительности боевая командировка на Кавказ.

Впереди вряд ли будет что-то смешное. А если будет, вернусь и расскажу.

Очень надеюсь на это. 180 дней +. Поехали!

На фото: автор с друзьями-однополчанами. Где-то там...1996 год.